

Глава IX

КРЕЙСЕРСКИЕ ОПЕРАЦИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Крейсер *Берк* подорвался на mine. *Гамидие* в бою с русским крейсером *Кагул*. Вопрос о перевозке войск морским путем. Два русских крейсера преследуют *Гамидие*. Организация Отделения морского транспорта.

Русские поддерживали оживленное сообщение между Керченским проливом и западной частью Черного моря. Прибрежные районы между Батумом и Хопой, особенно же Макринос, часто обстреливались русскими эскадренными миноносцами, которые утром выходили из Батума в море и к вечеру возвращались обратно. С намерением помешать этим движениям русских кораблей совпала необходимость обеспечить переход одного парохода с орудиями и войсками, которые отправлялись в Зунгулдак. Поэтому крейсера *Бреслау*, *Гамидие* и *Берк* получили приказание, кроме обеспечения перехода транспорта, вести в восточной части Черного моря и у южного берега Крыма крейсерскую войну. 2 января 1915 г. в 15 час. *Бреслау*, *Гамидие*, *Берк* и пароход вышли из Босфора в кильватерной колонне, следуя за флотилией тральщиков (карта 8). В 18 ч. 40 м. в полной темноте *Бреслау* ощутил сильный толчок, и на корабле решили, что он подорвался на mine; однако, никаких повреждений не оказалось. То же случилось и с *Гамидие*, который также считал, что подорвался на mine, о чем, как и *Бреслау*, известил флот по радио. Оказалось, что тральщики затралили мину, которая при этом взорвалась. Соединение вынуждено было застопорить машины. Но транспорт непоколебимо продолжал свой путь, угрожая протаранить *Берк*. Последнему пришлось уклониться в сторону и в темноте сойти с протра-

ленного фарватера; в результате в 19 час. *Берк* кормой подорвался на mine¹. Повреждение было довольно значительное, но машинная переборка выдержала, благодаря чему корабль под конвоем 2 буксиров и тральщиков был отбуксирован в Босфор и 3 января поставлен в док. Ввиду того, что о доставке необходимых для кораблей строительных материалов из Германии нечего было и думать, *Берк* до конца войны выбыл из строя. Все крепления корабля выдержали взрыв, что свидетельствует о высоком качестве германского кораблестроения (*Берк* был построен в Киле на верфи «Германия»).

Бреслау и *Гамидие* не получили никаких повреждений, ввиду чего им было приказано продолжать операцию. Транспорт вскоре повернул и отправился назад в Босфор, а *Бреслау* пошел дальше, чтобы, с целью успокоения прибрежного населения, показать флаг у анатолийского побережья.

Появление *Бреслау* в Зунгулдаке, как и всюду, вызвало большую радость; все находившиеся там пароходы расцвелились флагами, население появилось на молу, чтобы приветствовать крейсер. В районе русско-турецкой границы, у Ризе и Трапезонда, *Бреслау* не обнаружил неприятельских кораблей. Местные власти подтвердили, что русские эскадренные миноносцы часто обстреливают побережье. В отместку за эти обстрелы *Бреслау* в свою очередь обстрелял 15 выстрелами с дистанции в 3 000 м (16 каб.) кордон у границы, близ которого имелись окопы и проволочные заграждения; в результате обстрела дом загорелся.

После аварии *Берка*, ввиду ухода тральщиков в Босфор вместе с последним, *Гамидие* остался на якоре. Лишь после полудня 3 января *Гамидие* вышел в море вслед за дивизионом тральщиков (карта 8). 4 января, находясь западнее Синопа и следуя на *Ost*, *Гамидие* увидел справа русский крейсер *Кагул* и 4 эскадренных миноносца; виднелись и еще дымы, ввиду чего у *Гамидие* явилось предположение о наличии поблизости и главных сил. *Гамидие*.

¹ На том же заграждении, поставленном в ночь на 25 декабря, на котором подорвался *Гебен*. — Р е д.

W-м курсом вышел в голову, как предполагал, неприятельского дозора с целью оттянуть его от главных сил.

Кагул шел большим ходом, так что дистанция уменьшалась. На дистанции в 11 км (60 каб.) оба корабля открыли огонь. Русские эскадренные миноносцы также вступили в артиллерийский бой и очень быстро пристрелялись. С 12 ч. 45 м. до 14 час. *Гамидие* произвел около 80 выстрелов из кормовых орудий. Результаты стрельбы с обеих сторон были незначительны. Хотя неприятельские снаряды ложились вокруг *Гамидие*, он получил только одно попадание 150-мм снарядом в корму над броневой палубой и несколько пробоин осколками ниже ватерлинии. Германский командир *Гамидие* отмечает в своем военном дневнике, что неприятель сделал около 500 выстрелов. Один из русских эскадренных миноносцев несомненно тоже получил попадание: он остался на месте среди клубов дыма¹. Неприятель повернул на NW и в 16 час. исчез в пелене дождя. Трудно объяснить поведение русских, не имея материалов противоположной стороны. Получил ли русский крейсер попадание, которое вынудило его отказаться от дальнейшего боя, или у него были какие-либо другие причины, — неизвестно. Во всяком случае *Гамидие*, значительно уступавший *Кагулу*, вышел из очень тяжелого положения после энергичной обороны.

В 17 час. *Гамидие* изменил курс на Ost и держался вплотную к берегу для выполнения приказа о крейсерстве в восточной части Черного моря. Согласно радиоприказу *Бреслау*, рандеву было назначено в районе между Керченским проливом и мысом Константиновским; *Гамидие* соответствующим образом изменил курс и 6 января в 7 час. соединился с *Бреслау*. Ни один из крейсеров не обнаружил движения неприятельских торговых судов, ввиду чего они повернули обратно в Босфор (карта 8). Ночь была тихая, темная и море настолько спокойно, что горизонта вовсе не было видно. Около 18 ч. 30 м. крейсеры заметили темное пятно, похожее на надвигающийся шквал. Из этой темноты что-то блеснуло, но без всякого звукового эффекта.

¹ На эскадренном миноносце *Дерзкий* при выстреле разорвалось орудие. — Р е д.

Поэтому неожиданный свет мог иметь своим источником только торпедный выстрел. *Бреслау* и *Гамидие* немедленно полным ходом отвернули. *Бреслау* светил прожекторами, которые, однако, не могли пронизать мглу. Одновременно какие-то корабли открыли справа оживленный артиллерийский огонь, на который *Бреслау* и *Гамидие* тотчас же начали отвечать¹. *Гамидие*, отвернувшись на 6 румбов влево, неожиданно был обстрелян слева; он повернул в обратную сторону и полным ходом пошел за *Бреслау*, но скоро потерял его из виду вследствие своей меньшей скорости хода.

Оба крейсера, повидимому, врезались в русский флот, который, вероятно, вышел в море, получив сведения, что неприятель крейсерует вдоль побережья. Как и два дня тому назад, *Гамидие* избежал жестокой опасности. Его маневрирование было очень удачным, что следует особо подчеркнуть, имея в виду наличие на нем почти исключительно турецкого личного состава. Обстановка была много серьезнее для *Гамидие*, чем для *Бреслау*, который, превосходя скоростью хода все неприятельские корабли, мог свободно от них уйти (исключение составляли только эскадренные миноносцы). На следующий день крейсера встретились при входе в Босфор.

Обстановка на черноморском театре требовала, невзирая на скудость угольных запасов, постоянных крейсерских операций. 13 января *Меджидие* вышел в море, сопровождая пароход, доставивший в Синоп радиостанцию. В смысле улучшения связи на анатолийском побережье пока не было предпринято почти ничего; береговой телеграф работал с затруднениями и неуверенно, передача телеграмм длилась очень долго, ввиду чего вся связь требовала решительной реорганизации. *Гебен* использовал выход в море крейсера *Меджидие*, чтобы самому выйти из Босфора и тем самым прекратить упорные слухи о его тяжелых повреждениях. Во время выхода крейсеров теле-

¹ Это были главные силы черноморского флота, направлявшиеся к анатолийскому побережью ввиду имевшихся от агентурной разведки сведений о выходе из Босфора в Трапезонд отряда из 7 транспортов с войсками и снаряжением. Встреча была одинаково неожиданной и для русского флота. — Р е д.

графная связь сознательно не выключалась с целью дать возможность неприятельским агентам, все же имевшимся в Босфоре, отправить донесения о выходе *Гебена*. *Меджидие* вернулся из похода в Синоп 16 января, не встретившись с неприятелем.

Между тем на Кавказе турецкая армия под командой Энвера-паши потерпела серьезное поражение¹. Энвер возвращался сухим путем и с дороги телеграфировал 17 января: «Необходимо во что бы то ни стало и как можно скорее выполнить перевозку войск. Флот должен оказать возможную поддержку. Во всяком случае флот обязан выполнить данный приказ». Дело шло о целой дивизии, которую надо было перебросить в Трапезонд. На заседании, на котором присутствовали заместитель Энвера-паши, министр иностранных дел Талаат, фельдмаршал ф.-д. Гольц и генерал Лиман-ф.-Зандерс, Сушон заявил, что, принимая во внимание, с одной стороны: 1) выход из строя *Гебена*, 2) наличие лишь немногочисленных легких крейсеров, 3) плохие условия высадки десанта на открытых рейдах, 4) тихоходность и разнообразие в скоростях хода транспортов, с другой—полную уверенность в своевременном осведомлении русского флота через посредство шпионов о выходе столь значительного десантного отряда,—невозможно обеспечить переход морем 8—10 необходимых для этой цели транспортов. Представители армии считали отправку одной дивизии бесцельной, тем более что она не могла явиться своевременным подкреплением для войск, находившихся у Эрзерума. Одна дивизия не являлась решающим подкреплением, а отдельные части ее при следовании по различным дорогам из Трапезонда в Эрзерум легко могли быть уничтожены русскими. Самое же главное—нельзя было еще более ослаблять армию в районе проливов. Несмотря на вышеуказанные мнения, переданные Энверу Талаатом по телеграфу, первый настаивал на отправке дивизии. Только после многочисленных телеграфных разъяснений и устных переговоров с ф.-д. Гольцем по возвращении Энвера (22 января)

¹ Поражение турок в первой половине января у Ардагана и Саракамыша, где были разбиты IX и X корпуса, а затем у Караургана и Ени-Кея, где командовал войсками Энвер-паша.—Р е д.

последний отказался от дальнейших требований отправки войск морским путем.

Помимо подобных решений, самым тесным образом касавшихся деятельности флота, Сушону приходилось брать на себя многое, о чем никто не заботился, но что имело большое значение в общем ходе ведения войны. Когда различные мероприятия тормозились в Константинополе, Сушон являлся двигающей силой и с помощью денег и предоставления соответствующего снабжения сдвигал дело с мертвой точки.

С особенной энергией он занялся совершенно заброшенным вопросом о снабжении через Румынию. Флот и армия остро нуждались в необходимых материалах, особенно в боевом запасе из Германии. Грузы частично доходили до румынской границы, частично застревали в пути. Здесь приходилось действовать энергично, находчиво, хитростью и подкупам и прежде всего—предоставлением средств.

Известия из восточной части Черного моря были неблагоприятны. После поражения кавказской армии побережье между Макриносом и Хопой почти ежедневно обстреливалось русскими морскими силами. Для воспрепятствования этим обстрелам и оказания помощи неприятельской морской торговле *Бреслау* и *Гамидие* вышли к побережью Лазистана; одновременно флотилия эскадренных миноносцев получила приказание мешать русской торговле между Одессой и Румынией. Командир *Бреслау* назначил выход крейсеров в море на утро 24 января, а на 26 января, в 6 час. утра,—обстрел Поти и побережья Грузии. *Бреслау* должен был проследовать вдоль берега до Трапезонда и там взять на борт нескольких офицеров, *Гамидие* предстояло принять в Синопе офицера, командированного туда для установки радиостанции. Обоим крейсерам надлежало соединиться утром 27 января у Синопа (карта 9).

Уже при выходе в море, 24 января, около 10 час. на *Бреслау* была ясно слышна русская звучащая радиостанция; вполне справедливо высказывались предположения, что тайная неприятельская станция доносит о выходе в море крейсеров. Поэтому крейсера сперва взяли курс на Л

и, выйдя из видимости берега, повернули на *Ost*. Во время пути на восток ничего не было замечено, но *Бреслау* неоднократно получал радиогаммы от *Гебена*, извещавшие о появлении неприятельских сил, в первую очередь эскадренных миноносцев, у турецких портов восточного побережья. 25 января в 12 ч. 15 м. командир *Бреслау* получил от Сушона приказание отставить обстрел Поти ввиду того, что главной целью операции является поход вдоль побережья южнее Батума, где за последнее время ежедневно появлялись неприятельские миноносцы. В 7 час. 26 января *Гамидие* отделился и направился к Синопу.

Бреслау во время похода в Трапезонд не встречался с неприятелем. Но из Константинополя получались радио-сообщения о появлении русских главных сил—5 линейных кораблей, 2 крейсеров, 3 эскадренных миноносцев, шедших вдоль берега курсом *W* и *NW*; не в пример предыдущим донесениям, место было указано довольно точно. Можно было с уверенностью сказать, что неприятель попытается преградить обоим крейсерам путь к Босфору. 26 января, в полночь, *Гамидие* подошел к Синопу, и офицер с радиостанции сейчас же явился на корабль; он видел в полдень русский флот, проследовавший мимо Синопа и скрывшийся из виду в направлении на *W*. Поэтому *Гамидие* решил сначала держаться к востоку от Синопа, выжидая дальнейших известий о действиях русского флота, и в ночь с 27-го на 28-е сделать попытку прорваться по направлению на запад.

27 января в 7 час. *Гамидие* увидел на *S* *Бреслау*. Когда *Гамидие* повернул к нему, за *Бреслау* появился дым неприятельского дозора. В 8 ч. 30 м. появились еще дымы; оба крейсера очутились лицом к лицу с главными русскими силами в условиях хорошей видимости.

Один из двух неприятельских крейсеров немедленно вступил в кильватер *Гамидие*. *Бреслау* пытался отвлечь неприятельские крейсера от *Гамидие*, обладавшего небольшой скоростью. С этой целью он повернул сначала влево, давая тем самым возможность *Гамидие* полным ходом уклониться вправо и уйти из видимости. Попытка эта не удалась, и оба русских крейсера последовали за *Гамидие*. Положение последнего становилось опасным.

Скорость его не превышала 20—20,5 узла, в то время как русские имели преимущество в скорости на 1 узел. Теперь все зависело от бесперебойной работы машин *Гамидие*. Погоня длилась 6½ час., и командиру было не трудно рассчитать, когда русские подойдут достаточно близко, чтобы открыть огонь. Это должно было случиться еще до захода солнца. Дистанция достигала 18 км (98 каб.). Настроение на крейсере было бодрое, котлы и машины работали без отказа, турецкий машинный личный состав следовал примеру немецких товарищей; временами число оборотов удавалось увеличить, и русские не приближались.

Сознавая свое опасное положение, *Гамидие* послал в 12 ч. 05 м. радиogramму *Гебену*:

«Место квадрат 1943. Меня преследуют 2 крейсера, мой курс *WtN*. Прошу прислать помощь. *Гамидие*».

Несмотря на умелую и длительную помеху неприятеля, радиogramма быстро достигла назначения. *Гебен* развел пары, и *Гамидие* получил сообщение: «*Гебен* идет». Уже в 15 час. *Гебен* снялся с якоря, вслед за дивизией тральщиков вышел из Босфора и начал ходить переменными курсами для обеспечения входа *Бреслау* и *Гамидие*. Последний в 14 ч. 50 м. освободился от докучных преследователей, повернувших на *SO*. Можно думать, что они оставили *Гамидие* в связи с оживленными радиопереговорами, опасаясь встретить *Гебен* или эскадренные миноносцы. *Гамидие* повернул теперь к Босфору и 28 января в 6 ч. 50 м. соединился с *Гебеном*; в 7 ч. 35 м. подошел и *Бреслау*.

Сообщение о прекращении преследования *Гамидие* неприятельскими крейсерами было тотчас же получено на *Гебене*, тем не менее он остался перед входом в Босфор, чтобы показать неприятелю свою боеспособность. Как указывалось, *Бреслау* безуспешно пытался отвлечь русские крейсера от *Гамидие*. Потерпев неудачу, *Бреслау* поставил себе задачей отвлечь от *Гамидие* миноносцы следовавших впереди неприятельских главных сил. В 15 ч. 45 м. он потерял неприятеля из виду. В 18 ч. 22 м. *Бреслау* увидел 2 эскадренных миноносца; как выяснилось после

обмена опознательными сигналами, это были турецкие миноносцы *Нумуне* и *Ядигар*. Попытка атаки неприятельских главных сил миноносцами не обещала успеха ввиду неизвестности местонахождения и ясной лунной ночи. Миноносцы поэтому были направлены для выполнения специальной операции под руководством командующего флотилией, находившегося на минном крейсере *Пейк*. 28 января в полдень *Гебен*, *Бреслау* и *Гамидие*, пройдя через минные заграждения, вернулись в Босфор. Миноносцы *Ядигар* и *Нумуне* вышли в море 26 января за минным крейсером *Пейк* для проведения действий против торговли между Одессой и румынской границей (карта 9). Вновь назначенный командующий флотилией (кап. 3 р. Пфейфер) находился на *Пейке*. В ночь с 26 на 27 января он получил известие о продвижении на W 10 неприятельских кораблей. Несмотря на светлую лунную ночь, он надеялся атаковать неприятеля. Около 4 час. небо затянуло, и освещение стало благоприятным для атаки. Однако, когда до 5 час. на курсе *Ost* ничего не было обнаружено, флотилия взяла курс по направлению на Змеиный остров (Фидониси) и пошла 10-узловым ходом. Здесь командующий флотилией принял радиограмму о помощи, отправленную *Гебену* с крейсера *Гамидие*, и тотчас же выслал оба эскадренных миноносца полным ходом для поддержки *Гамидие*, следуя за ними на *Пейке*, имевшем меньшую скорость хода. Эскадренные миноносцы шли 22-узловым ходом. Несмотря на следование большим ходом в течение нескольких часов, команда держалась отлично; в ожидании момента оказания помощи собрату и встречи с неприятелем она проявляла живой интерес к операции и высказывала горячее участие. Как сказано, в 18 ч. 22 м. эскадренные миноносцы соединились с *Бреслау*. Около 18 ч. 30 м. командующий флотилией получил на основании радиопереговоров уверенность, что опасность больше не грозит *Гамидие*, и *Пейк* вновь взял курс на Змеиный остров (Фидониси), а эскадренные миноносцы получили предписание действовать по своему усмотрению; 28 января в 8 ч. 20 м. они соединились с *Пейком* у Змеиного острова. Вдоль русского побережья движения судов не было замечено: эскадренные миноносцы обстреляли кордон на берегу

северного гирла Дуная. Из того обстоятельства, что здесь оказались снятыми все морские предостерегательные знаки, можно было заключить, что северное гирло Дуная, принадлежащее русским, не использовалось для судоходства. На обратном пути неприятель тоже не был обнаружен. Отряд вернулся 29 января в Босфор.

Оживленные операции русских в восточной части Черного моря продолжались. Их эскадренные миноносцы, базой которым служил Батум, беспокоили открытый турецкий берег; в особенности страдал Трапезонд. Поэтому турецким крейсерам, прежде всего *Бреслау*, было достаточно дела. Несмотря на связанный с этим большой расход угля, кораблям приходилось оставаться в море, чтобы не уступать господства на театре русским силам без боя и чтобы внушить бодрость турецкому береговому населению неоднократным показом флага. 4 февраля *Бреслау* снова вышел в море с задачей отыскать и уничтожить русские легкие силы в восточной части Черного моря и, кроме того, обстрелять портовые сооружения в западной части Черного моря или в Крыму (карта 10). На случай, если *Бреслау* удастся обнаружить местонахождение неприятельских главных сил, *Гебен*, *Гамидие*, *Меджидие*, *Пейк* и большие эскадренные миноносцы должны были выйти из Босфора для операций в западной части Черного моря. 6 февраля в 9 ч. 10 м. *Бреслау* увидел перед Батумом четыре русских эскадренных миноносца и сделал по ним 50 выстрелов. Результаты из-за значительности дистанций—10,8—12 км (59—65 каб.)—остались невыясненными. Преследование этих эскадренных миноносцев не производилось, ввиду того что батумские укрепления открыли огонь.

Бреслау так и не смог установить местонахождения русского флота. Однако, сообщения рыбаков, видевших его 6 февраля утром у мыса Иероса, к *W* от Трапезонда, и радиogramмы с флагманского корабля из Константинополя гласили, что русский флот находится в восточной части Черного моря. Поэтому *Бреслау* взял курс на Крым, чтобы не быть прижатым неприятелем к берегу; кроме того, командир считал, что сможет длительно поддерживать соприкосновение с неприятелем только по проходе линии Севастополь—Керемпе; для этой цели сам *Бреслау* должен был

находиться на *W* от неприятеля. В 20 ч. 30 м. в квадрате 1453 на 6 румбов справа от курса показался сильный дым неприятельского крейсера. *Бреслау* повернул полным ходом от него, на курс 250°, а затем постепенно перешел снова на прежний курс 300°, мешая неприятельским радиопереговорам. В течение ночи неприятель скрылся из виду. До тех пор *Бреслау* не удавалось установить местонахождение главных сил неприятеля; по его предположению, он сам находился между главными силами и дозорными крейсерами противника. Ввиду изложенного намеченная совместная операция осталась невыполненной. Однако, 7 февраля в 13 час. *Гебен* снова вышел в море; Сушон хотел перед началом ремонта еще раз показать его боеспособность, а кроме того, он имел задачей обеспечить вход в Босфор *Бреслау* и вышедших в море эскадренных миноносцев.

Не соединившись с *Гебеном* и группой эскадренных миноносцев, *Бреслау* направился к *Ялте*, чтобы в отместку за обстрелы турецкого побережья обстрелять сооружения этого порта. С дистанции в 7 200 м (40 каб.) *Бреслау* 8 залпами вызвал пожар на небольшом пароходе и 2 парусных судах. Других объектов в порту не было замечено, ввиду чего крейсер прекратил огонь. Без дальнейших приключений крейсера и эскадренные миноносцы вернулись в Босфор в течение 8—9 февраля.

Несколько слов необходимо посвятить организации, выполнявшей многочисленные переброски транспортов с войсками и материалами в восточную часть Черного моря. Вскоре после закрытия Дарданелл, но еще до вступления Турции в войну, морское командование обратило внимание на необходимость подготовить для военных целей 15 германских пароходов (из них 11—левантийской линии) и другие имевшиеся в распоряжении суда. В согласии с Энвером-пашой в штабе турецкого высшего командования было образовано отделение морского транспорта, которому вменялось в обязанность приведение в надлежащее состояние и содержание наготове торговых судов, а также распределение их в зависимости от потребностей. Отделение это явилось самостоятельным органом, подчиненным морскому командованию. Оно работало в связи с 4-м отделом штаба турецкого высшего командования,

ведавшего железными дорогами и транспортом. Сначала отделение отобрало пароходы, пригодные для перевозок; пароходы эти были разгружены, снабжены надлежащим балластом, после чего было приступлено к необходимым исправлениям по корпусу и механизмам. Затем пароходы снабжались углем, водой, провиантом, на них оборудовались камбузы, конюшни, гальюны; наконец, на суда грузились шлюпки, материалы для постройки плотов и сходен, необходимых при высадке людей и животных и выгрузке боевого запаса на различных открытых рейдах, вроде Трапезонда, Синопа, Керасунды и т. п. Работа подвигалась успешно, турецкие власти всячески шли навстречу и ко времени вступления Турции в войну значительное количество судов находилось в полной готовности. Для наблюдения за перечисленными работами на судах, а в дальнейшем за посадкой и высадкой десантов, были привлечены капитаны германских пароходов; некоторые из них впоследствии остались в качестве командиров транспортов.

Посадка войск и погрузка военных запасов представляли иногда большие трудности. К германским командирам, руководившим этими работами, в качестве переводчиков были большею частью приставлены армяне ввиду отсутствия других лиц, знавших иностранные языки. Но из-за национальной розни многие турецкие офицеры отказывались принимать от них приказания, хотя переводчики были только посредниками. Это вызвало много затруднений, например, при погрузке полевых орудий, при размещении лошадей и т. д. В некоторых случаях благодаря такту и ловкости германских капитанов удавалось обойти эти трудности, но иногда возникали задержки, тем более неприятные, что транспортам предстояло следовать в составе конвоя. Отдача приказания о выходе транспортов в море возлагалась на отделение морского транспорта, но турецкие военные учреждения часто нарушали порядок своим непредвиденным вмешательством. 3 ноября 1914 г. подобное вмешательство повело к потере 3 больших, пожалуй, наиболее ценных, турецких пароходов¹ (принадлежавших

¹ Уже указанные в одном из примечаний выше транспорты *Митхад-паша*, *Безми-Алем* и *Бехр-Ахмер*. — Р е д.

ранее Северогерманскому Ллойду). Эти пароходы были задержаны без ведома отделения морского транспорта и после посадки нескольких черкесских вождей и погрузки первого прибывшего из Германии самолета отправлены на 12 час. позже намеченного времени и без конвоя; через несколько часов после выхода из Босфора они попали в руки русских.

Самые крупные пароходы использовались для доставки возможно большего количества угля в Константинополь. Можно было предвидеть, что со временем опасность плаванья в Черном море возрастет. Было известно, что на русских судостроительных заводах спешно достраиваются дредноуты, эскадренные миноносцы и подводные лодки. После прекращения перевозки войск морем отделение морского транспорта было упразднено (6 ноября 1914 г.). Крупные пароходы были переданы 4-му отделению штаба главного командования, а 22 более мелких, грузоподъемностью 1 000 т—угольному бюро, организованному флотом.

Глава X

УЧАСТИЕ ФЛОТА В УСИЛЕНИИ ОБОРОНЫ ДАРДАНЕЛЛ

Передача орудий. Начало ремонта *Гебена*. Обстрел Дарданелл. Линейный корабль *Барбаросса* стреляет непрямой наводкой.

Ремонт *Гебена* и необходимая очередная переборка турбин и подшипников внешних кронштейнов гребных валов на *Бреслау* вынуждали к сокращению операций на Черном море. Русские тоже бездействовали, и исключение составлял лишь энергичный обстрел Трапезонда 2 русскими крейсерами 8 февраля, во время которого был потоплен американский пароход *Уошингтон* (*Washington*), выгружавший перевязочный материал для американского и германского Красного креста. Тем оживленнее становилась деятельность у Дарданелл. Согласно донесениям, в Эгейском море сосредоточилось большое число неприятельских кораблей; из нейтральных государств приходили сообщения о проходе английских линейных кораблей через Гибралтарский пролив и достоверные данные о намеченной отправке морским путем англо-французских войск к Дарданеллам. Хотя на основании всех этих отрывочных сведений нельзя было составить себе точного представления о намерениях противника, но все же Константинополь должен был готовиться к более энергичным действиям неприятеля в районе проливов. Открытие проливов явилось для противника непременным условием оказания поддержки России.

19 февраля 1915 г. в 10 час. пришло из Дарданелл донесение о начале атаки береговых укреплений неприятельскими силами в составе 3 дредноутов, 7 линейных кораблей

и крейсеров. Повидимому, дело шло о крайне серьезной операции, ввиду чего все корабли, за исключением *Бреслау*, гребные валы которого были разобраны, получили приказание разводиться пары. Ремонт *Гебена* решено было не прерывать, хотя все на нем было приведено в готовность для отдачи кессона, с помощью которого одна из пробоин была уже заделана, чтобы, пожертвовав начатым ремонтом, все же выйти в море. Приходилось в будущем считаться с возможностью повторения подобных атак на укрепления, прерывать же при каждой тревоге ремонт флагманского корабля значило бы затянуть его сверх всякой меры. На время этого ремонта Сушон дал следующую директиву для участия морских сил в обороне проливов: *Торгут* и *Барбаросса* под командой коммодора Ариф-Бей, вышедшие к Дарданеллам уже 17 февраля, имели задачей усиление береговых батарей, для чего им надлежало, встав за заграждениями, препятствовать дальнейшему прорыву в пролив неприятельских кораблей, уже несомненно получивших некоторые повреждения. Обоим линейным кораблям предписывалось в случае необходимости действовать, не считаясь с риском собственной гибели. *Гебену* и легким силам ставилась задача защиты Босфора. Предполагалось в случае проникновения превосходных сил неприятеля до Босфора поставить заграждения у южного входа. Это заграждение (между башней Леандра у Скутари и мысом Сералья) при входе в Золотой Рог обеспечивалось бы *Гебен*ом, который стал бы к *N* от него, а также крейсерами и миноносцами, по возможности укрытыми под берегом, и полевыми орудиями, расположенными на обоих берегах. Миноносцы, кроме того, предполагалось использовать для ночных атак во время пребывания неприятеля в Мраморном море. Если бы неприятель по подходе к Стамбулу потребовал выдачи флота, предполагалось предложить ему добыть этот флот.

Обстрел Дарданелл 19 февраля, несмотря на свою продолжительность (до 17 ч. 30 м.) и на то, что турецкие батареи из-за недостаточной дальности своих орудий смогли открыть ответный огонь только около 17 час., все же не имел значительных результатов. Ввиду того что следовало ожидать повторения обстрела и связанного с ним

последующего прорыва неприятеля, Сушон в целях усиления подводной обороны передал для Дарданелл минные заградители и мины. 25 февраля неприятель повторил атаку и после 7-часового ураганного обстрела принудил наружные форты к молчанию.

В то время как неприятельский флот, повидимому, приступил к систематическому планомерному обстрелу укреплений и десантных пунктов, из нейтральных стран поступали известия о подготовке англо-французских дивизий для отправки их морем в Дарданеллы. Хотя в этих сведениях не было ничего достоверного, но наличие однородных известий из различных источников заставляло считаться с ними. 3 марта состоялось совещание между командующим флотом, генерал-адъютантом султана Сали-пашой и ген.-фельдмаршалом ф.-д.-Гольцем об обороне Дарданелл. На этом заседании Сушон решительно высказался в том смысле, что успешная борьба против дарданельских батарей и минных заграждений, значительно усовершенствованных во время 6-месячной совместной работы немцев и турок, одними морскими силами немыслима. Сообщения германского высшего командования не позволяли рассчитывать в ближайшем будущем на поддержку Германии против высаженных войск противника. Открытие сухопутных сообщений через Балканский полуостров зависело от наступления германо-австрийских войск против Сербии, возможность и сроки проведения которого оставались неопределенными. Из-за неустойчивого политического положения Румынии и Болгарии, а также для сохранения возможности дальнейших операций против Египта надо было во что бы то ни стало удерживать проливы. Сознавая важность этой задачи, Сушон намеревался использовать для ее выполнения все морские силы, невзирая на риск их потери, тем более что в случае захвата проливов неприятелем для флота не нашлось бы больше применения. Чтобы всеми средствами усилить оборону дарданельских укреплений в течение последующих недель, Сушон передавал в их распоряжение все оружие и весь боевой запас, без которого можно было обойтись, не нарушая боеспособности флота.

2 марта он передал два 88-мм орудия с боевым запасом, 9 марта двести 150-мм снарядов, 16 и 20 марта — по 12 мин —

последние, еще имевшиеся в его распоряжении; вскоре он приказал передать для Дарданелл два 150-мм орудия с *Гебена*. Многочисленные выловленные русские мины и старые, найденные в константинопольском арсенале, приводились в порядок, несмотря на трудности, связанные с нехваткой технического персонала и материалов. 14 марта в район Дарданелл были направлены 4 прожекторные команды, ввиду того что турки не справлялись со своими прожекторами.

5 марта стрельбою непрямой наводкой неприятель обстрелял батареи у Килид-Бара, на европейском берегу против Чанака (черт. 1 и карта 14). Линейным кораблям *Барбаросса* и *Торгут* надлежало открыть ответную стрельбу тем же методом. 6 марта германский командир *Барбароссы* в ожидании обстрела отправился на полуостров Галлиполи вместе с наблюдателями и сигнальщиками с целью наблюдения за неприятельскими кораблями с высот и в случае возможности — открытия по ним огня. Действительно, в 10 ч. 30 м. английский линейный корабль *Куин Элизабет* (*Queen Elizabeth*) открыл огонь, а уже в 10 ч. 45 м. начал отвечать *Барбаросса*.

Однако, после второго выстрела противник открыл местоположение наблюдательного пункта по той причине, что за отсутствием телефонной связи необходимые приказания передавались ракетами. Пункт был обстрелян, и его пришлось покинуть. Наблюдательный пункт был тотчас же перенесен на другую возвышенность, а линейный корабль соответственно переменил якорное место. В 13 ч. 20 м. *Куин Элизабет* был снова взят под обстрел. Противник, который между тем обстреливал Килид-Бар, тотчас же перенес огонь на высоты, на которых находился первоначальный наблюдательный пункт. *Барбаросса* пристрелялся тремя выстрелами; можно было наблюдать несколько накрытий, и командир насчитывал одно попадание. Во всяком случае противник принужден был покинуть свою позицию, снялся с якоря и отошел. Еще два выстрела было сделано по линейному кораблю *Агамемнон* (*Агаметпон*), который тоже принужден был сняться с якоря. *Барбаросса* достиг своей цели, произведя 21 выстрел из 280-мм орудий. К сожалению, дальнобойность его орудий равнялась лишь

15 км (82 каб.), и неприятельские корабли, вставшие после полудня на якорь на дистанции 16 км (88 каб.), были для него недосыгаемы. В связи с развитием операций у Дарданелл германские командиры линейных кораблей *Барбаросса* и *Торгут* организовали в различных пунктах Галлипольского полуострова наблюдательные посты для стрельбы по невидимой с кораблей цели. В связи с этим производились промеры, избирались наблюдательные пункты, выставлялись створные знаки для кораблей и буи в качестве вспомогательных точек наводки, главные и вспомогательные посты соединялись полевыми телефонами.

Постоянно получались известия об обнаружении подводных лодок. Хотя в большинстве случаев эти сведения оказывались ошибочными, все же кораблям приходилось считаться с возможностью подобных встреч. Корабли, занимая позиции для стрельбы по невидимой с них цели, вынуждены были держаться почти на месте, ввиду чего представляли особенно благоприятные объекты для атаки подводных лодок. Однако, даже и не занимая подобной позиции, корабли постоянно подвергались подводной опасности. Ввиду этого к кораблям после их постановки на якорь днем и ночью пришвартовывались специальные пароходы, защищавшие их от торпед. Таким путем личному составу обеспечивалось необходимое спокойствие. Кроме того, возможность стоянки на якоре сокращала расход угля, который приходилось весьма ограничивать из-за недостатка топлива и трудностей его подвоза. Кроме обоих линейных кораблей, которые сменяли друг друга, в Дарданеллах постоянно находилось несколько миноносцев из состава флотилии для усиления по указанию коменданта крепости дозорной службы в окружающем водном районе; в задачу этих миноносцев входило также выяснение подходящей обстановки для ночных атак неприятеля.

Крупная англо-французская морская атака Дарданелл 18 марта кончилась поражением союзников. Они потеряли на минах и от артиллерийского огня 3 линейных корабля: *Бусэ*, *Иррезистибл* (*Irresistible*) и *Ошэн* (*Ocean*); многие корабли получили тяжелые повреждения (карта 14). Турецкий флот в этот день не имел возможности вмеша-

ваться в бой. Неприятель после обстрела, стоившего ему таких потерь, отошел. Но все сведения решительно говорили за то, что цель свою—взятие Дарданелл—он не оставил и что он будет пытаться ее достигнуть с помощью сухопутных войск.

24 марта Сушон пытался склонить Энвера-пашу передать сухопутную оборону Дарданелл в руки генерала Лиман-ф.-Зандерса и привлечь к ней всех офицеров германской военной миссии. Он подчеркнул, что теперешний командующий ген.-майор Эссад-паша, будучи отличным солдатом, не имеет достаточных опыта и веса в качестве полководца. Сушон далее отметил, что ему приходилось ежедневно видеть, с какой удивительной энергией руководят генерал Лиман-ф.-Зандерс и ген.-фельдмаршал фон-дер-Гольц в подведомственных им районах окрестностей столицы прокладкою дорог, рытьем окопов, оборудованием артиллерийских и оборонительных позиций, прокладкой телефонов, установкой прожекторов и другими работами. На полуострове Галлиполи были недочеты во всем перечисленном. Только приложив все свои силы и величайшую поспешность, можно было настолько изменить создавшуюся там обстановку, чтобы с надеждой на успех встретить ожидаемый неприятельский десант.

Настойчивые слова Сушона были только последним толчком для давно обдуманного решения Энвера. В результате через час после переговоров командующего с Энвером-пашой генерал Зандерс сообщил Сушону о своем назначении командующим Дарданельской армией. 32 дня спустя неприятель высадился в Галлиполи.

Глава XI

КРЕЙСЕРСКИЕ ОПЕРАЦИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. ГИБЕЛЬ *МЕДЖИДИЕ*. ПРОРЫВ МИНОНОСЦА *ТИМУР-ХИССАР* ИЗ ДАРДАНЕЛЛ

Бреслау у Дунайских гирл. Операции *Бреслау* и эскадренных миноносцев у берегов Крыма. Русский флот перед Босфором. План операции против Одессы. Незвестность расположения минных заграждений. Поход легких крейсеров и эскадренных миноносцев на север. *Меджидие* подорвался на mine и затонул. *Гебен* и *Бреслау* у Севастополя. Короткий бой с русскими. Оценка операции. Решение отправить миноносец в Эгейское море. Выход миноносца *Тимур-Хиссар*. Безрезультатная атака в Смирнском заливе. Авиатранспорт получил повреждения. Атака транспорта *Манито*. Преследование миноносца. *Тимур-Хиссар* выбрасывается на берег и взрывается.

Бреслау закончил свой ремонт 2 марта 1915 г. О противнике было известно, что в конце февраля его главные силы появились восточнее Самсуна и что небольшие отряды эскадренных миноносцев предпринимали из Батума походы до Трапезонда. *Бреслау* между тем получил приказание доставить в Синоп материалы для новой радиостанции, затем показать флаг у неприятельских берегов и проводить операции против русской морской торговли между Константицей и Одессой. *Бреслау* вышел в море 5 марта в 8 ч. 30 м., 6 марта выгрузил материалы в Синопе и затем взял курс на Змеинный остров (Фидониси) (карта 10), к которому предполагалось подойти к концу дня 7 марта. Командир имел намерение скрывать присутствие корабля в районе

между устьем Дуная и Одессой как можно дольше, чтобы не упустить благоприятных условий для действий против морской торговли. Радиограмма, полученная от командования флотом и гласившая о появлении русского флота перед Босфором, еще более укрепила его в этом намерении. Не желая привлекать внимания неприятельских сил до тех пор, пока русская морская торговля не потерпит значительного урона и не будет надолго парализована—по возможности незаметно для русских береговых пунктов,—он считал задачу показа флага у румынских и русских берегов второстепенной. Поэтому 7 марта *Бреслау* искал вероятных торговых путей вне видимости берега, а с наступлением темноты подошел к берегу с намерением в течение ночи крейсировать вдоль него переменными курсами. Торговых судов не было встречено. 8 марта утром *Бреслау* получил радиограмму от морского командования, сообщавшую, что 9 марта в 6 час. *Гамидие* и эскадренные миноносцы будут ожидать его у Босфора. Командир понял эту радиограмму как приказание вернуться. Он прервал операцию, которая, по его предположению, должна была занять еще несколько дней. В ночь с 8 на 9 марта командир получил еще одну радиограмму, которая окончательно укрепила его намерение возвратиться. Радиограмма сообщала, что вследствие обстрела русскими угольного района в Эрегли доставка угля временно прервана и потребление угля требует самого крайнего ограничения. Замысел же командующего флотом был иной: он надеялся, что появление *Бреслау* у берегов предотвратит восстановление морской торговли между румынским и русским побережьями.

Утром 7 марта русские обстреляли угольный порт Эрегли и потопили там итальянский и персидский пароходы-угольщики. Угольные копи сильно пострадали, и добыча угля была временно прекращена. Частое появление русских сил возле угольных районов и обстрел последних возбудили панику среди турецкого населения. Для его успокоения необходим был более частый показ флага у побережья. Поэтому *Бреслау* и флотилия эскадренных миноносцев получили приказание 16 марта выйти в море и, совершив поход вдоль анатолийского побережья, приступить к операциям у южного берега Крыма, дабы тре-

вожить противника и показать ему, что турецкий флот не желает уступать господства на Черном море; после появления у неприятельских берегов в задачу германо-турецких сил входил показ флага у румынского побережья. При появлении превосходных сил противника надлежало отходить. 16 марта в 7 ч. 30 м. *Бреслау* и эскадренные миноносцы *Ядигар* и *Муавенет* вышли в море (карта 11). Эскадренные миноносцы следовали вплотную к берегу к Зунгулдаку, в то время как *Бреслау*, учитывая опасность от мин, держался мористее и только в непосредственной близости Зунгулдака направился к берегу. Население, узнавая турецкий флаг, приветствовало его с воодушевлением; особенно же радостно были встречены эскадренные миноносцы при заходе в Зунгулдак для приемки угля и воды. При обстреле русские потратили огромное количество боевого запаса. Было найдено не менее 75 неразорвавшихся 305-мм снарядов.

Проведение операции было возложено на командира *Бреслау*. Он решил неожиданно обстрелять военно-морские сооружения на Южном берегу Крыма, близ Феодосии, представлявшие удобный объект, но местоположение которых не было точно известно. Момент обстрела находился в зависимости от условий видимости и погоды. Надо было предполагать, что со времени последнего обстрела 29 ноября 1914 г. береговая оборона такого важного пункта была приведена в должное состояние. Командир считался не только с наличием береговых укреплений, но и с возможностью присутствия военных кораблей и наличия минных заграждений. Первоначальная задача эскадренных миноносцев—обстрел Алушты—была отменена: их надлежало в первую очередь использовать в качестве разведчиков и тральщиков. Видимость была очень хорошая, поэтому неожиданное приближение к берегу являлось невозможным. В связи с этим обстрел был отложен на ночь с 17 на 18 марта. Из-за темной ночи и начавшейся зыби командир флотилии считал траление мало надежным. По его предложению командир *Бреслау* окончательно отказался от траления, а ввиду опасений командира флотилии относительно недостаточности запасов угля на эскадренных миноносцах последние были отправлены 17 марта

в 21 час для погрузки угля в Зунгулдак, куда и пришли 18 марта в 15 ч. 25 м.

Погода переменилась, и под берегом видимость стала плохая. Выполнение операции в темноте и при неизвестном местоположении цели было затруднительно, поэтому командир отложил обстрел до рассвета. 18 марта с первыми лучами солнца *Бреслау*, не считаясь с вероятными минными заграждениями, полным ходом направился к цели. Только находясь в расстоянии 3 миль от берега, он смог рассмотреть намеченные для обстрела сооружения¹. С 5 ч. 44 м. до 6 ч. 10 м. *Бреслау* обстрелял торпедные мастерские с дистанции 5 000—5 300 м (27—29 каб.), выпустив 100 фугасных снарядов. Ответа на обстрел со стороны неприятеля не последовало. Пристрелочная станция и мастерские, частично находившиеся в постройке, были зажжены и разрушены. Командир намеренно берег крупные жилые строения, находившиеся по соседству.

При отходе от побережья в 14 ч. 20 м. *Бреслау* встретился во мгле с 2 русскими крейсерами. Он уклонился на *SO*, но крейсера его преследовали и с дистанции около 120 *см* (65 каб.) открыли безрезультатный огонь. *Бреслау* из-за большой дистанции отвечать не мог. Постепенным уклонением на курс *S* ему удалось освободиться от погони, и в 15 ч. 32 м. он потерял неприятеля из виду. Встреча с противником заставила командира *Бреслау* отказаться от второй части задачи—показа флага у румынских берегов и крейсерских операций в этих водах. Он опасался, что, узнав от румын о местонахождении *Бреслау*, неприятель преградит ему путь к Босфору. Для дальнейшего длительного плавания большим ходом и пребывания в море не хватило бы угля, и командир решил направиться к Босфору. Но в связи с настроениями Румынии Сушону был очень важен показ флага у Констанцы. 18 марта в 11 ч. 50 м. он дал радиogramму, гласившую, что показ флага у Констанцы очень желателен. Эскадренные миноносцы, участие которых в этой части операции не намечалось, вернулись 19 марта в 6 час. в Босфор. В соответствии с полученным

¹ Здесь была расположена торпедно-пристрелочная станция морского ведомства. — Р е д.

приказанием командующего флотом *Бреслау* взял курс на Констанцу (карта 11); 19 марта около 14 час. он появился перед портом и продержался перед ним полчаса с поднятым флагом, следуя в виду города малым ходом, в 4—5 милях от берега. Затем он повернул полным ходом на курс *N*. Это должно было создать впечатление у румын, что он преследовал в направлении Одессы. Вне видимости с берега *Бреслау* снова повернул и направился к Босфору. Это появление не осталось без последствий; румынская пресса тотчас же заговорила о появлении перед Констанцей четырехтрубного крейсера, вероятно, *Мидилли*, который прошел полным ходом на север. На пути к Босфору *Бреслау* слышал негромкие русские радиопереговоры, вероятно, эскадренных миноносцев. 20 марта, приближаясь во мгле и под переходящим дождем к Босфору, он заметил в 6 ч. 05 м. подводную лодку, за ней несколько дымов и на 2 румба слева от курса—2 неприятельских крейсера, направлявшихся на него. *Бреслау* дал полный ход, круто повернул вправо, на юг; крейсера преследовали его, но не стреляли. Плохая видимость и дождливая погода благоприятствовали приближению *Бреслау* к Босфору, так что противнику не удалось отрезать его вход. В 8 ч. 50 м. *Бреслау* вошел в Босфор.

Несмотря на превосходство неприятельских сил, германо-турецкие корабли даже во время ремонта флагманского корабля неоднократно показывались у русских берегов, в то время как русские никогда еще не появлялись у Босфора. 28 марта неприятельский флот был замечен там впервые. В 10 ч. 40 м. 2 русских линейных корабля открыли огонь по обоим входным маякам. Русские произвели около 120 выстрелов, но безрезультатно¹. Береговые укреп-

¹ Эта операция явилась следствием попыток согласовать операции на Черном море с намечавшимся прорывом английского флота через Дарданеллы в Мраморное море, не давшим, однако, реальных результатов. 5 марта 1915 г. первый лорд адмиралтейства Черчилль сообщил главноверху, что «великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками начнет систематическую с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придается первостепенное значение». Было услов-

пления за дальностью расстояния отвечать не могли. Русский флот состоял из 5 линейных кораблей, 3 крейсеров, 5 эскадренных миноносцев, тральщиков и 1 авиатранспорта. Русский самолет (биплан), поднявшийся с авиатранспорта, сбросил бомбу по находившемуся в дозоре у входа эскадренному миноносцу *Самсун*, бомба упала в воду в 50 м за его кормой. Линейные корабли произвели два выстрела из тяжелых орудий по эскадренным миноносцам *Самсун* и *Гайрет* (последний был выслан для наблюдения), давшие недолеты в 2—3 м (1—1½ каб.). В 13 ч. 15 м. неприятель ушел из пределов видимости. Операция не имела военного значения, она даже не была направлена против босфорских укреплений, а только против входных маяков. Тем оригинальнее показалась незашифрованная радиограмма, отправленная русским адмиралом на свои корабли: «Поздравляю флот с историческим днем первого обстрела босфорских укреплений. Адмирал Эбергард». В этот же день была закончена заделка пробоины на левом борту *Гебена*. Трудную работу произвели в течение одного месяца. Кессон, построенный для заделки пробоины, имел 10 м в глубину, 17 м в длину и водоизмещение в 360 т. Площадь пробоины достигала 64 м².

Кессон для работы на правом борту представлялось возможным приспособить только через 5 дней. Этот промежуток времени Сушон решил использовать для крейсерской операции в Черном море, в которой *Гебен* мог принять довольно значительное участие, имея возможность, несмотря на пробоину, свободно держать 20-узловой ход. Перехваченные неприятельские радиограммы показы-

лено, что командующие обоими флотами (Эбергард и Карден) войдут в постоянную связь между собой и согласуют свои действия в зависимости от хода событий у Дарданелл. Для связи на английскую эскадру у Дарданелл был командирован русский офицер, который телеграфировал 14 марта Эбергарду, что «по «соглашению правительства» решено, что русский флот начнет бомбардировку за 4 дня до конца прорыва союзников через Дарданеллы». На основании этой телеграммы Эбергард наметил бомбардировку Босфора на 28—29 марта. Фактически же неудачная попытка союзников форсирования Дарданелл, стоившая им гибели 3 кораблей и 3 кораблей сильно поврежденных, состоялась 18 марта, т. е. на 10 дней раньше «соглашенного» выступления черноморского флота.—Р е д.

вали, что противник стремился изобразить перед широкими кругами населения поход против Босфора в качестве успешного и весьма смелого предприятия. От агентов имелись сведения, что в Одессе находятся 20 пароходов и делаются приготовления к перевозке войск. Сушон намеревался показать русским, что турецкий флот не связан обороной Дарданелл, что он, напротив, свободно оперирует на Черном море и что *Гебен* вполне боеспособен. Одессе в частности следовало дать почувствовать невозможность поддержания дальнейшего безопасного судоходства при имевшей место обстановке. Крейсера *Меджидие* и *Гамидие* с 4 эскадренными миноносцами, приспособленными для траления, получили приказание причинить возможно больше потерь противнику в одесском порту и в районе перед портом. *Гебен* и *Бреслау* должны были служить прикрытием со стороны Севастополя.

30 марта русский флот в количестве 5 кораблей обстрелял побережье угольного района Эрегли-Зунгулдак, в то время как русские самолеты бросали бомбы на угольные копи. Несмотря на большой расход боевого запаса, оба пункта почти не пострадали. Вновь поставленная в Зунгулдаке батарея не пострадала совсем.

1 апреля корабли, предназначенные для выполнения намеченной операции, вышли из Босфора (карта 12). Отрядом, назначенным для операций против Одессы, командовал германский командир *Меджидие*—кап. 3 р. Бюксель; кроме *Гамидие*, в отряд входила полуфлотилия, состоявшая из 2 эскадренных миноносцев типа «Шихау»—*Муавенет* и *Ядигар* и из 2 эскадренных миноносцев типа «Канэ» (*Canet*)—*Ташос* и *Самсун*. Приходилось считаться с серьезной минной опасностью. На основании только газетных сведений было известно, что на расстоянии 16 км от Одессы поставлены мины. Предполагалось 3 апреля на рассвете неожиданно появиться перед Одессой. Ввиду нежелательности преждевременного обнаружения отряда во время его похода командующий отрядом проложил курс не как обычно—на Змеинный остров (Фидониси), а решил держаться от него в расстоянии 20—25 миль к *Ost* и подойти к нему лишь в том случае, если 2 апреля у него не будет надежного астрономического определения места. Коман-

дующий отрядом вовсе не знал этого водного района и его побережья, и для помощи ему в навигационных вопросах был командирован капитан германского торгового флота, часто плававший в мирное время в одесском районе. Ввиду наличия минной опасности успех операции в значительной степени зависел от умения отряда итти за тралами эскадренных миноносцев, ввиду чего 2 апреля на походе производились соответствующие учения. При ясной погоде удалось получить точное место отряда из астрономических наблюдений, а кроме того, 2 апреля около 18 ч. 30 м. на фоне вечернего неба слабо обрисовался в расстоянии 25 миль и Змеиный остров (Фидониси). Для выполнения операции командующий отрядом отдал следующий приказ:

«С 23 час. 2 апреля итти за тралами; по приходе на истинный пеленг *W* мыса Фонтан (южнее Одессы) с расстояния от него в 7 миль—ложиться на боевой курс».

Бюксель объясняет основания к этому приказу следующим образом:

«Я не знал, где поставлены русские мины. Возможность на них нарваться везде одинаковая, за исключением, может быть, узкого фарватера под самым берегом, которым можно следовать днем с помощью береговых навигационных знаков и который, вероятно, находится в секторе обстрела неприятельских орудий. К *Ost* от меридиана 31° вост. долг. должны находиться германские мины; подходить с этой стороны тоже было бы неосторожно. О месте германских мин также не имелось точных данных. С другой стороны, наиболее благоприятные перспективы представлял подход по возможности перпендикулярно к предполагававшемуся минному полю. Поэтому избранный для подхода курс *NNW* был рассчитан таким образом, чтобы с самого начала обстрела иметь возможность стрелять из всех орудий».

Ночь со 2 на 3 апреля при благоприятной погоде прошла спокойно. Начиная с 21—23 час. неоднократно был виден свет прожектора, примерно, по пеленгу *NO*, однако, источник его установить не удалось. В 23 часа эскадренные миноносцы поставили тралы. При тихой погоде и ясной луне этот маневр не представлял затруднений, так же как

и следование крейсеров за тралами, прошедшее вполне гладко. Около 2 час. начальнику полуфлотилии показалось, что он усмотрел справа и прямо по курсу берег; это наблюдение было подтверждено командиром *Ядигара*. В 3 ч. 50 м. передняя пара тральщиков *Ташос* и *Самсун* внезапно повернула влево и донесла, что видна земля. С *Меджидие* ничего не было видно, и эскадренные миноносцы получили приказание снова выйти вперед и тралить. При этих поворотах трал передней пары тральщиков оказался нечистым и в дальнейшем мог быть использован лишь в качестве контрольного трала. В 4 ч. 25 м. отряд двинулся дальше 9-узловым ходом.

До этого момента корабли держались с застопоренными машинами или, разворачиваясь на месте, удерживали заданный курс *NNW*. При дальнейшем подходе отряда берега никто не обнаруживал, ввиду чего предыдущие наблюдения могли быть объяснены только миражами.

Такую точку зрения принимает командующий полуфлотилией в своем военном дневнике. С этого момента производилось постоянное измерение глубин. В 4 ч. 45 м. эскадренные миноносцы увидели впереди по курсу берег; вода приняла грязно-желтую окраску, и средняя глубина равнялась 9—10 м (около 5 саж.¹). В 5 ч. 10 м. передняя пара тральщиков застопорила машины, выбрала трал и сообщила, что глубина—6,5 м (3,5 саж.¹). Можно было отчетливо видеть берег, который тянулся влево, а справа были видны низкие острова. Вскоре выяснилось, что отряд находится у Одесской банки, а справа—входной створ на фарватер к Николаеву. Это значило, что отряд снесло по крайней мере на 15 миль к *Ost*. Бюксель приказал изменить курс на *W*, т. е. прямо на Одессу. Он предполагал начать обстрел с *N*, а затем перейти на *S* и *SO*. Отряд шел в следующем порядке: головными—оба эскадренные миноносца типа «Канэ»—*Ташос* и *Самсун* (только с тралящей частью трала, ввиду того что на одном из них щит поломался), далее в расстоянии около 500—600 м (3 каб.) оба эскадренные миноносца типа «Шихау»—*Муавенет* и *Ядигар* с исправным тралом; за ними в расстоянии 400—

¹ 6-футовой меры.—Р е д.

500 м ($2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ каб.)—*Меджидие* и, наконец, в расстоянии 700—800 м (4 — $4\frac{1}{2}$ каб.) от последнего *Гамидие*. Около 6 час. открылась Одесса, ярко освещенная утренним солнцем. Неприятельского дозора не было видно. Из-за небольшой глубины возникло опасение, что тралы будут задевать за грунт, ввиду чего начальник полуфлотилии счел необходимым изменить курс. Но именно *W*-й курс благоприятствовал намеченному обстрелу, а то обстоятельство, что отряд был снесен течением, создавало большую потерю во времени; поэтому предположение это не было осуществлено. Крейсеры находились точно за тральщиками, как вдруг в 6 ч. 40 м. *Меджидие* подорвался на mine (в 15 милях на $W\frac{3}{4}N$ от Одесского маяка). Взрыв произошел с левого борта в районе носовой кочегарки. Глубина равнялась 12,8 м (7 саж.). На крейсере застопорили машины, и для спасения личного состава крейсер, имея некоторую инерцию, выбросился на мелководье, имея руль право-на-борту. Корабль стал быстро погружаться носом, имея сильнейший крен на левый борт, но вскоре стал на мель и некоторое время сохранял крен в 10° . Опыт, приобретенный в германском флоте по обеспечению живучести корабля, был здесь полностью использован. Все люки нижней палубы и двери водонепроницаемых переборок удалось задрать и укрепить подпорками; шпигаты были забиты, точно так же как и переговорные трубы, забитые деревянными пробками (забитые переговорные трубы не пропускали воду, тогда как из незабитых вода била фонтаном). Все водоотливные средства были пущены в ход, но ввиду значительных разрушений справиться с течью они не могли, тем более что кочегарки наполнились водой. Передняя часть корабля опускалась постепенно все глубже, и крен увеличивался. В конце концов весь бак оказался под водой, точно так же как фальшборт и орудия левого борта; перебираться на правый борт становилось невозможным.

Ввиду того что из-за небольшой глубины корабль не мог окончательно затонуть, были приняты меры к уменьшению его боеспособности, затворы орудий были выброшены за борт, а радиостанция уничтожена. Эскадренные миноносцы сняли команду крейсера, и в 7 ч. 20 м. *Адиگار*, по приказа-

нию командующего отрядом выпустил торпеду для окончательного уничтожения крейсера. Торпеда попала в кормовой погреб: корабль выпрямился, а затем погрузился так, что остались торчать только трубы, мачты и верхние мостики¹. Поведение личного состава, немцев и турок, было безукоризненным. После взрыва *Гамидие* тотчас же повернул и отошел прежним курсом назад, пока не счел себя вне минного поля.

По получении сведений по радио, *Гебен*, державшийся перед Севастополем, отдал приказание прервать операцию и возвращаться в Босфор. Приняв на борт большую часть спасенной команды, *Гамидие* направился в сопровождении эскадренных миноносцев 17-узловым ходом к Змеиному острову (Фидониси) (карта 12). В 0 ч. 10 м. от морского командования была получена радиограмма, гласившая, что в 11 ч. 15 м. замечены русские главные силы—2 крейсера и 3 эскадренных миноносца в квадрате 847 и что *Гебен* и *Бреслау* находятся в квадрате 764. *Гебен* и *Бреслау* шли истинным курсом 215° со скоростью 16 узлов. Командир *Гамидие* и командующий полуфлотилией на основании этой радиограммы решили, что, вероятно, русский флот попытается отрезать легкие силы, присутствие которых ему, конечно, было известно. Эскадренные миноносцы ввиду тихоходности 2 из них (типа «Канэ») имели среднюю скорость в 17 узлов, поэтому они отделились от *Гамидие* и пошли к Босфору под берегом, а *Гамидие* направился туда же прямым курсом 20-узловым ходом. В 14 час. *Гебен* сообщил по радио, что неприятель находится в квадрате 844, направляясь на SSW, в то время как *Гебен* и *Бреслау*—в квадрате 671.

Ввиду того что неприятель следовал за *Гебеном* на S, командующему полуфлотилией приходилось считаться с опасностью быть отрезанным с его эскадренными миноносцами от Босфора. Тем болезненнее воспринималось уменьшение их хода до 10 узлов ввиду необходимости

¹ Позже *Меджидие* был поднят русскими и, переименованный в *Прут*, после ремонта вступил в состав черноморского флота. Однако, состояние котлов, чрезвычайно запущенных, ограничило дальнейшую деятельность *Меджидие* 2—3 походами. В 1918 г. после занятия Севастополя немцами *Меджидие* был возвращен ими Турции. —Р е д.

чистки топок и отдыха для команды. Турецкая часть машинной команды уже раньше дошла до предела своей работоспособности; теперь же начали сдавать и немцы (находившиеся по 4 чел. на эскадренном миноносце). И только с помощью оставшегося в небольшом числе на эскадренных миноносцах личного состава погибшего *Меджидие* удалось позднее развить ход до 15 узлов. Путь под берегом при этих обстоятельствах казался начальнику полуфлотилии слишком длинным, имея в виду желание до рассвета достигнуть Босфора. Поэтому он лег на кратчайший курс, и, таким образом, на заре 4 апреля между 5 ч. 30 м. и 6 час. *Гебен* и *Бреслау*, *Гамидие* и эскадренные миноносцы встретились при входе в Босфор, в который и вошли беспрепятственно.

Во время похода *Бреслау* и *Гебен* в ночь с 1 на 2 апреля были слышны оживленные неприятельские радиопереговоры, причем по тону можно было узнать радиостанцию крейсера *Кагул*.

Бреслау, предварительно выгрузивший в Синопе материалы для радиостанции, 2 апреля в 18 час. соединился с *Гебеном*. Сушон намеревался 3 апреля с первыми лучами рассвета, в момент производства крейсерами операции против Одессы, показаться южнее Севастополя у мыса Херсонес. В течение ночи русские радиопереговоры вовсе прекратились, и только в 5 ч. 30 м. *Гебен* уловил передачу рейдовой радиостанции крейсера *Кагул*.

В 7 час. под берегом показались пять дымов. Повидимому, неприятель находился перед Севастополем. Чтобы дать знать неприятелю о присутствии *Гебена*, последний большой мощностью сообщил свое место по радио крейсерам, находившимся у Одессы. В 7 ч. 17 м. пришло донесение *Гамидие* о гибели *Меджидие*. Сушон тотчас же дал приказ о возвращении *Гамидие* и эскадренных миноносцев. Сушон считал операцию при данной обстановке, при полном дневном свете и при условии обнаружения отряда, совершенно безнадежной, тем более что отряд оказался в восточной части Одесской бухты, а не в западной; поэтому *Гебен* и *Бреслау* легли на курс 250°.

В 8 ч. 15 м., когда неприятельские дымы частично уже исчезли, *Гебен* и *Бреслау* увидели 2 русских парохода.

После снятия команды *Гебен* потопил пароход *Восточная Звезда* (вместимость 1 500 т, груз—сахар), а *Бреслау*—пароход *Провидент* (вместимость 2 020 т, груз—сахар).

В 9 ч. 20 м. командующий флотом направил *Бреслау* назад для выяснения, какой корабль следует за крейсерами восточнее их. *Бреслау* выяснил, что это крейсер типа *Кагул*. *Гебен* пытался 20-узловым ходом атаковать крейсер, следовавший в одиночестве; развить большую скорость хода не позволяла пробойна. Эта попытка не имела успеха ввиду того, что *Кагул* повернул, а вскоре показали главные силы неприятеля.

В 11 ч. 10 м. *Гебен* и *Бреслау* снова легли курсом на Босфор. Неприятель выстроился в кильватерную колонну, имея *Кагул* и 8 эскадренных миноносцев в голове. Расстояние до головного корабля составляло 16 миль (160 каб.); *Бреслау* находился за *Гебеном*, между последним и неприятельской колонной. В 13 ч. 30 м. 2 неприятельских линейных корабля открыли огонь по *Бреслау* с дистанции 15—17 км (82—93 каб.), но, сделав около 10 выстрелов, прекратили огонь. Несколько осколков упало на палубу *Бреслау*. Около 15 час. главные силы неприятеля скрылись из виду, остались только крейсера. Видимость, как почти всегда в Черном море, была очень хорошая, дымы отдельных кораблей были видны на 30 миль. Между 17 и 18 час. появилось несколько русских эскадренных миноносцев, которые вышли влево, чтобы занять благоприятную позицию для атаки. С целью их отвлечения было решено с наступлением темноты и до восхода луны следовать переменными курсами, меняя их каждый час на 3—4 румба. В 20 ч. 41 м. эскадренные миноносцы пошли в атаку на *Бреслау*, который с дистанции 35—40 м (19—22 каб.) еще при хорошей видимости открыл по ним огонь. Было усмотрено 3 попадания в средний из эскадренных миноносцев¹, 3 торпеды, выпущенные эскадренными миноносцами, не достигли попадания. Тотчас же *Гебен* и *Бреслау* полным ходом повернули на курс *Ost*: им удалось оторваться от эскадренных миноносцев. Ночь прошла без даль-

¹ Незначительные повреждения получил эскадренный миноносец *Пронзительный*, без потерь в личном составе.—П р и м. п е р е в.

нейших событий, и оба корабля 4 апреля вернулись в Босфор.

Операция против Одессы оказалась неудачной. Без сомнения, с такими незначительными силами было рискованно предпринимать операцию против неприятельского побережья, об укреплениях которого имелись только сомнительные сведения. Однако, кто не рискует, не имеет успеха; если бы Сушон не пользовался каждой возможностью для нанесения ущерба неприятелю, то турецкий флот вновь был бы обречен на прежнюю бездеятельность.

В Севастополе, конечно, было известно о выходе отряда из Босфора, что подтверждалось радиопереговорами в течение первой ночи и своевременным появлением всей русской эскадры вне Севастополя. Нельзя было рассчитывать, что одесская неудача долго останется в секрете. Тем более непонятно, почему русские не сделали попытки своими быстроходными легкими силами отрезать турецкие эскадренные миноносцы, уступавшие им во всех отношениях. Очевидно, присутствие *Гебена* было причиной того, что русский командующий не хотел раздроблять своих сил, опасаясь, что более слабые могут пасть жертвой боевой мощи *Гебена*. Выход русских эскадренных миноносцев в ночную атаку был произведен неудовлетворительно и не соответствовал тем требованиям, к которым привык в этом отношении германский флот. Поэтому никаких затруднений не представляло уклониться от этой атаки, и надо сожалеть, что 105-мм орудия крейсера *Бреслау* были недостаточно мощными, чтобы вывести из строя подбитый эскадренный миноносец.

Тотчас же по возвращении *Гебена* начались работы по укреплению переднего кессона; 7 апреля начался ремонт второй пробоины. 1 мая и с этим ремонтом было покончено. Весь ремонт в целом продлился 4 месяца. 15 апреля русский флот появился перед Зунгулдаком и Эрегли и обстрелял оба пункта, не причинив особых повреждений. Невозможно было воспрепятствовать неожиданным крейсерам русским сил: расстояние от Севастополя до Эрегли равняется расстоянию от Константинополя до Эрегли; нечего было и думать отрезать неприятеля. Для заграждения рейдов минами не хватало последних. С турецкого

побережья Черного моря в Константинополь неоднократно доставлялись на морских шлюпках выброшенные или вытраленные русские мины; мины эти очищались и приводились в порядок, что указывало на рост интереса и познаний в отношении военно-морского дела в турецких портовых учреждениях. 25 апреля русский флот появился перед Босфором и открыл с большой дистанции огонь по укреплениям. Обстрел длился около часа, но нельзя было отметить ни малейшего результата. Форты из-за большой дистанции не могли отвечать. Германо-турецкий флот находился в готовности выступить при мало-мальски успешной попытке прорыва.

К этому же периоду относится операция небольшого миноносца *Тимур-Хиссар* (*Timur-Hissar*) в Эгейском море.

Командование флотом и флотилией эскадренных миноносцев давно обсуждало вопрос, нельзя ли атаками мелких—даже самых мелких—кораблей из Дарданелл наносить ущерб неприятелю; стремления командования дарданельскими укреплениями носили противоположный характер: оно выше всего ставило сохранение в тайне проходов через минные заграждения.

Однако, все же решено было незаметно выслать из Дарданелл миноносец для атаки англо-французских блокирующих сил. Ввиду тесноты проходов в минных полях и навигационных трудностей прохождения через них на сильном течении для этой попытки не подходил ни один из эскадренных миноносцев типа *Муавенет* или *Ташос*. Приходилось остановиться на каком-нибудь небольшом старом миноносце, незначительная мореходность и слабое вооружение которого окупали бы этот риск. Командир флотилии назначил для этой цели миноносец *Тимур-Хиссар*. Этот миноносец, построенный в 1908 г. на заводе «Канэ», имел водоизмещение всего в 97 т при длине в 38 м, ширине в 4,4 м и осадке в 1,5 м; мощность его машины достигала 1 900 л. с., запас угля равнялся 25 т; скорость хода при благоприятных условиях—19 узлов; вооружение состояло из двух 45-см торпедных аппаратов (1—двухтрубный) и двух 37-мм орудий; прожекторов не имелось; в дополнение к турецкому личному составу (1 офицер, 4 инженера-механика, 5 чел. строевой команды

и 6—машинной) на миноносец были командированы 6 германских торпедистов и 2 германских офицера, в том числе командир кап.-лейт. Фиркс.

Тимур-Хиссар вышел в направлении Чанака 25 февраля 1915 г. На следующий день в Чанаке командир миноносца вступил в переговоры с комендантом крепости и не без затруднений получил согласие на выход в море. 27 февраля в 17 ч. 30 м. миноносец вышел в море. При проходе мыса Кефес (на азиатском берегу) миноносец окликнули турецкие солдаты, махавшие ему платками; шум постепенно возрастал при виде того, что миноносец никак не реагирует на оклики; солдаты трубили в горны, свистели; одним словом, было очевидно, что с берега хотят сделать миноносцу важное сообщение. Последний застопорил машины, после чего турецкий командир, служивший переводчиком, сообщил, что 2 неприятельских эскадренных миноносца находятся у местечка Эренок и что комендант крепости приказывает миноносцу повернуть назад. Это сообщение не соответствовало действительности, как это выяснилось по возвращении в Чанак, но в эту ночь выход был уже невозможен. Однако, об этой задержке не приходилось особенно сожалеть, имея в виду светлые лунные ночи при убывающем месяце. Командир использовал следующие несколько суток для ночных наблюдений с берега у форта Орхание (на азиатском побережье) за дозорной службой неприятеля.

7 марта в 17 час. *Тимур-Хиссар* вторично вышел из Чанака (черт. 3). Наступления темноты миноносец выждал у мыса Кефес и, пройдя свои минные заграждения, направился к европейскому берегу; подойдя к последнему, миноносец проследовал далее вплотную к берегу, прорвался у Сед-эль-Бара и мыса Хеллес незамеченным мимо 6 эскадренных миноносцев и 1 легкого крейсера и затем повернул к северу.

Приходилось считаться с возможностью присутствия морских сил неприятеля к югу от острова Имброс, где они могли стоять на якоре по возвращении с обстрела; поэтому было решено избежать чрезмерной близости этого острова. Описывая дугу вокруг острова, миноносец настолько близко подошел к большому кораблю, стоявшему за пере-

довой линией дозора, что был замечен последним, тем более что ночь была светлая. Корабль сделал опознательные и, не получив ответа, начал преследование. Миноносцу все же удалось уйти, пройдя северо-восточнее Имброса. Со стороны Саросского залива последовал новый запрос опознательных; ничего не оставалось, как итти полным ходом на *W*. Атаковать неприятеля до восхода луны было уже невозможно; приходилось также принимать в расчет, что неприятельские легкие силы днем произведут обход побережья островов Самофракии, Лемноса и Страти. Поэтому было решено следующий день провести под берегом у выхода из залива Кассандра.

8 марта, в полдень, *Тимур-Хиссар* лег на курс по направлению к южному мысу острова Страти, а затем—на мыс Баба (севернее острова Митилена), рассчитывая, что столь далеко к югу вряд ли можно было встретить неприятельский дозор. Вечер был звездный и видимость довольно хорошая. Однако, когда миноносец направился к гористому берегу у мыса Баба, чтобы следовать далее под его защитой, его заметил неприятельский дозор, находившийся у самого мыса Баба. *Тимур-Хиссар* немедленно повернул на *S* и попытался скрыться от преследования, что ему не удалось: напротив, неприятельские корабли, повидимому, легкий крейсер и 2 эскадренных миноносца, приближались. Ввиду хорошей видимости командир считал, что постепенный переход на *N*-й курс и атака с *SW* (т. е. со стороны моря) неприятельских сил у Тенедоса не имеют шансов на успех. Поэтому он решил итти в Смирну, там принять уголь и нефть и уже на следующий вечер прорваться к Тенедосу, обогнув мыс Баба, подойдя к нему с востока и следуя далее вплотную к берегу мимо южной линии дозора.

9 марта утром, выйдя в Смирнский залив, *Тимур-Хиссар* около 6 ч. 45 м. увидел к востоку от острова Килисели рыбацье судно, а немного позднее, еще глубже за ним в заливе—линейный корабль типа *Трайомф* (*Triumph*), легкий крейсер типа *Уэмот* и большой пароход. Миноносец сейчас же повернул; было решено отказаться от ночной атаки у Тенедоса и использовать благоприятную обстановку в Смирнском заливе. На день миноносец встал на

якорь в небольшой бухте Мавро-Вуни, на южном побережье полуострова Кара-Бурун. Вечером, снявшись с якоря, *Тимур-Хиссар* обошел Кара-Бурун вплотную к берегу и направился в залив Гюльбагтше. Огибая мыс на северо-восточном побережье полуострова Кара-Бурун и следуя между материком и мелкими островами, миноносец попал под ружейный обстрел турецкой пограничной стражи. Обыскав залив Гюльбагтше, миноносец прошел южнее острова Килисели и севернее островов рейда Вурла и оттуда *S*-м курсом направился к берегу. Время от времени в свете прожекторов из Смирны появлялся силуэт линейного корабля, стоявшего, повидимому, вблизи заграждений. Ветер свежел и скоро дошел до 6 баллов от *SSW*. На маленьком корабле не было защиты от заливавших его волн, и в условиях свежей погоды было невозможно одному человеку совмещать управление миноносцем и наблюдение за неприятелем и его поиски. От атаки пришлось бы отказаться, если бы в помощь командиру на миноносце не имелось второго германского офицера. Наконец, около 3 час. оказалось возможным итти в атаку на неприятельские корабли, находившиеся, примерно, на *SW*¹. Прожектор из Смирны очень кстати время от времени обрисовывал силуэты этих кораблей.

Командир пишет по поводу этой атаки в своем военном дневнике следующее:

«Выход в атаку лагом к волне был невозможен вследствие сильной зыби, поэтому пришлось итти в атаку по волне, имея торпедный аппарат, установленный почти по траверзу. Первый выстрел был произведен при наиболее благоприятных условиях: угол встречи торпеды с целью составлял 90°. У торпедного аппарата находился бывший инструктор торпедной стрельбы. Промех был невозможен. Корабль рисовался огромным силуэтом и отчетливо выделялся на фоне освещения смирнского прожектора. Даже в мирное время я никогда не находился в более благоприятных условиях. За линейным кораблем стоял легкий крейсер, а немного в глубине—пароход. Ввиду того что я считал невозможным быстро повернуть

¹ Повидимому, следует не *SW*, а *SO* или *Ost*; см. черт. 3.—
П р и м. п е р е в.

торпедный аппарат на другой борт для выстрела по крейсеру, я уклонился слегка влево, чтобы по крайней мере иметь возможность атаковать транспорт, который стоял по отношению к этим другим кораблям уступом на 2 румба вправо. Но благодаря исключительной работе торпедистов удалось против ожидания повернуть аппарат для выстрела. Торпеда была выпущена с дистанции в 300 м (1,6 каб.), но, попав в воду, торпеда уклонилась влево. Обе торпеды не были замечены с неприятельских кораблей».

Несколько дней спустя обе торпеды были прибиты к берегу и подобраны турками.

После этой, к сожалению, бесплодной атаки положение миноносца стало довольно сложным. Погода еще ухудшилась. Правда, после атаки итти приходилось почти по волне, так что можно было бы не убаюльвать хода, но тем труднее было править. Тем не менее удалось уйти от преследования крейсера, который лишь после выстрела открыл свой прожектор. Запас угля и нефти шел к концу. Заход в Смирну был невозможен: пришлось бы идти против волны, и расположение минных заграждений было неизвестно. Поэтому командир решил поискать спокойного якорного места и раздобыть топливо. Ближайшим портом была Чесма, которой благополучно достигли 10 марта в 10 час. Здесь миноносец был радушно встречен. Местное начальство получило указание из Смирны в случае захода миноносца оказать ему необходимую помощь. Уголь был истрачен до последней тонны, масло пришло к концу. С лихорадочной поспешностью на корабль доставлялись уголь, масло и провиант. Уголь, содержавший большую примесь сланца, был почти непригоден для миноносца, масло оказалось оливковым. Но личный состав примирился бы и с худшим топливом, настолько велико было разочарование в упущенном успехе. Население было очень предупредительно в отношении команды. Дары сыпались в изобилии — мешки изюма, апельсины, яйца, вино и т. п. Считаясь с возможностью преследования со стороны неприятеля, местное начальство организовало наблюдательные посты. Впервые выполняя подобную службу, часовые видели в каждом проходящем судне военный корабль и больше нарушали спокойствие, чем способствовали ему.

Вечером *Тимур-Хиссар* снова вышел в море, готовясь к атаке последней торпедой. Ветер от *S* дул с силою 5—6 баллов. Ночь была совершенно черная, и плавание вплотную к берегу между островами почти невозможно; проход удался только потому, что тот же путь уже раз был пройден вечером при лучшей видимости. Найти неприятеля было гораздо труднее, чем накануне вечером; прожектор из Смирны включался гораздо реже. В конце концов в направлении приближенно на *S* были усмотрены крейсер и пароход, который, по сведениям, полученным в Чесме, был авиатранспортом. После полуночи ветер немного стих. Когда около 2 ч. 45 м. миноносец пошел в атаку на крейсер, то в 50 м справа был неожиданно усмотрен сторожевой корабль, стоявший носом к берегу; еще правее показался второй сторожевой корабль. Очень осторожно миноносец повернул влево под носом стоявшего рядом корабля, но вследствие этого поворота атака на крейсер не удалась.

Пришлось избрать целью пароход; авиатранспорт являлся все же неплохим объектом для атаки. Торпеда была выпущена с дистанции в 300 м. На авиатранспорте за его фок-мачтой был замечен небольшой взрыв. Но на английских кораблях ничто не шелохнулось, так что для отхода миноносцу не пришлось даже увеличивать ход. Только на полпути к Смирне миноносец был вызван с неприятельских кораблей клотиком. Прорыв под самым берегом удался, и 11 марта в 5 час. миноносец вошел во внутреннюю гавань Смирны. Благодаря самоотверженной ночной работе германских кочегаров миноносец шел без дыма, несмотря на отвратительное качество угля.

В Смирне миноносец снова явился центром внимания, и дары снова сыпались в изобилии и собирались целыми кучами на маленьком корабле. Появление миноносца избавило город от большого бедствия. Английские корабли уже на следующее утро прекратили обстрел укреплений и в полдень 11 марта окончательно исчезли. Поврежденный пароход был уведен с сильным креном. Население, страдавшее от постоянных обстрелов, вздохнуло спокойнее, магазины открылись, и каждый занялся своим делом. Подданные враждебных государств, которые свободно разгуливали по Смирне, и греки, которые не были добро-

желательны к туркам, распускали слухи, что миноносец пришел не с моря, а был где-то спрятан и теперь извлечен напоказ. Командир и личный состав не спорили с этим мнением; они спокойно предоставляли разрастаться убеждению, что если в Эгейском море вообще и были выпущены торпеды, то не с маленького, невзрачного миноносца, а, конечно, с подводной лодки.

Миноносец получил по железной дороге из Константинополя торпеды и масло и подготовился ко второй операции. 22 марта *Тимур-Хиссар* вышел из Смирны. Во время плаванья выяснилось, что принятый уголь совершенно непригоден, и операцию пришлось прервать. На обратном пути миноносец слегка задел за грунт и повредил винт, так что в Смирне ему пришлось стать в док. Взамен плохого угля *Тимур-Хиссар* получил в Смирне 50 т английского. Выход в море откладывался до середины апреля.

15 апреля вечером *Тимур-Хиссар* вышел из Смирны и, направляясь севернее Хиоса, незамеченный неприятелем, вышел в открытое море. 16 апреля около 9 час., находясь в 15 милях на *SO* от острова Скироса, миноносец заметил 2 судна, шедшие с юга курсом *N*: одно из них оказалось большим пароходом с одной трубой и 4 мачтами; другое имело вид военного корабля с 2 трубами и 2 мачтами. Вскоре на пароходе был замечен английский торговый флаг. *Тимур-Хиссар* поднял сигнал: «застопорить машины», одновременно показав турецкий флаг. Пароход тотчас же выполнил приказание, а миноносец застопорил машины и удерживался в расстоянии около 400 м (2,2 каб.) на левом траверзе парохода. На втором корабле развевался английский военный флаг. Остановленный пароход имел обозначение *B-12*, и на нем находились сухопутные войска. Командир передал по-английски в рупор армейским и морским офицерам, находившимся на мостике, приказание в течение 10 минут покинуть пароход, повторив это приказание несколько раз. Однако, англичане его не выполнили.

Маленький миноносец находился в довольно критическом положении. За это время он сблизился с пароходами на расстояние, меньшее, чем 60 м (0,3 каб.); многочисленная команда парохода каждую секунду могла открыть уничто-

жающий ружейный огонь по миноносцу. Кроме того, второе судно приближалось полным ходом, и в северной части горизонта в направлении Лемноса появилось несколько подозрительных дымов. Дольше медлить было нельзя. Командир сделал поворот и с дистанции в 350 м приказал выпустить по пароходу поочередно обе торпеды. Судно под военным флагом, повидимому, вспомогательный крейсер, удалялось в направлении дымов, появившихся на севере. Результатов попадания торпед не было замечено: не было ни взрыва, ни какого-либо повреждения. Тем не менее на судне вспыхнула паника. Большая часть солдат спешно покинула неподвижно стоявший пароход: одни на переполненных спасательных шлюпках, другие с помощью спасательных приспособлений. Даже через значительный промежуток времени после выстрела с миноносца можно было видеть, как люди бросают за борт пловающие предметы и сами бросаются вслед за ними или спускаются по шлюпочным таям. Все это создавало впечатление, что одна из торпед попала, не причинив, однако, больших повреждений.

Согласно официальным сообщениям английского адмиралтейства, это был транспорт *Manitou* (*Manitou*); при атаке утонуло 100 английских солдат. Пароход не был поврежден. Надо предполагать, что английское конвоирующее судно было невооружено, иначе его поведение по отношению к миноносцу совершенно необъяснимо, как необъяснимо и то, что он предоставил беззащитный транспорт своей судьбе. Во всяком случае успех миноносца был неполным не по вине английского спутника. Постепенно можно было определить, что замеченные на севере дымы принадлежали приближавшимся военным кораблям, вероятно, крейсерам и эскадренным миноносцам.

Несомненно, миноносцу *Тимур-Хиссар* давно было пора повернуть в обратный путь. Командир вполне сознавал, что любой корабль был сильнее маленького миноносца, тем более что и скорость его хода была невелика. В течение часа он мог развивать 18,5 узла, а потом еще в течение нескольких часов 15 узлов. Командир, однако, считал, что миноносец имеет еще возможность потопить пароход. Ввиду того что *Тимур-Хиссар* не имел исправных орудий,

а из-за большого количества солдат на пароходе он не мог послать на него подрывную партию, ничего другого не оставалось, как выпустить в него последнюю имевшуюся торпеду. Торпеда не входила в снабжение миноносца и была взята на всякий случай. Работа по ее изготовлению к выстрелу при ограниченности помещения и отсутствии необходимых приспособлений отняла много времени. Наконец, около 10 ч. 45 м. с дистанции 400 м торпеда была выпущена по пароходу; но и на этот раз не было никаких видимых или слышимых результатов. Напротив, на пароходе заработали машины.

Головной из двух неприятельских преследователей, повидимому, эскадренный миноносец, сблизился на 2—3 мили. *Тимур-Хиссар* лег на курс *SO* и полным ходом направился к турецким берегам. Первоначально расстояние между ним и неприятелем уменьшалось очень медленно. Около 15 час. *Тимур-Хиссар* обогнул южную оконечность острова Хиос; головной из преследующих кораблей сблизился на 3—4 км (17—22 каб.). Миноносец надеялся проскочить через узкость между материком и островом Хиос, расположенную южнее Чесмы, прежде чем блокадные силы, устремившиеся, повидимому, из Смирны, преградят ему путь. Командир приказал приготовить все к уничтожению миноносца у турецких берегов и к высадке личного состава со всем имевшимся оружием на берег. Для облегчения корабля все лишние материалы, уголь, бочки с маслом и другие тяжелые предметы были брошены за борт.

В этот критический момент машина, которая уже неоднократно отказывалась служить, сдала совсем. Миноносец мог идти только 12-узловым ходом. В это время в узкости между турецким берегом и Хиосом показался еще эскадренный миноносец, шедший полным ходом; оба преследующие корабля тем временем обогнули южный мыс острова, и головной находился уже только в 2 км (11 каб.) от миноносца. Прорваться к турецкому берегу было уже невозможно. Желая использовать последнюю возможность, командир решил остаться в нейтральной зоне у Хиоса. Чтобы у неприятеля не возникло никаких сомнений относительно нахождения миноносца за нейтральной границей, командир намеревался стать на якорь как можно ближе

к берегу в бухте южнее бухты Каламати и до наступления темноты привести миноносец в порядок. В тот момент, когда *Тимур-Хиссар* с рулем, положенным влево, повернул к берегу, ближайший эскадренный миноносец тоже начал поворачивать, собираясь открыть огонь. Было очевидно, что он не собирается церемониться с нейтральностью греческих территориальных вод. Ничего другого не оставалось, как уничтожить совершенно беззащитный миноносец и высадить личный состав на нейтральный берег. Оба орудия были выброшены за борт, корабль приткнулся к берегу, машинное отделение было взорвано. Команда получила приказание покинуть миноносец, турки—в первую очередь. Все проходило в полном порядке под огнем неприятеля. Последний продолжал обстрел, когда миноносец давно уже был на мели, поэтому некоторые снаряды попали на пляж греческого острова и на находящийся за ним откос. Несмотря на очень незначительную дистанцию, миноносец, представлявший собою неподвижную цель, попаданий не получил. Убедившись, что команда покинула миноносец, эскадренный миноносец удалился, но вскоре вернулся снова в сопровождении двух других кораблей. С севера приближался легкий крейсер. Офицеры и команда неприятельского эскадренного миноносца вошли на борт *Тимур-Хиссара*, выгрузили с него из кормового помещения все находившееся здесь личное офицерское имущество и вывезли его на своих шлюпках. Затем неприятель подорвал корму миноносца. Экипаж миноносца, состоявший из 34 чел., был гостеприимно принят греческим населением и интернирован греческим правительством.

Редко в военное время миноносцу бывает суждено столько раз занимать благоприятное для атаки положение, редко неудачу можно в столь значительной степени объяснить недостатками материальной части. Вся операция является доказательством того, что постоянными упражнениями можно удерживать уровень боевой подготовки личного состава на должной высоте, а также, что и материальную часть можно довести до необходимого состояния боевой готовности, только постоянно используя ее в целях обучения личного состава.